

В дикторскую группу Всесоюзного радио был принят по конкурсу Ростислав Плятт. Талантливый актер, широко известный теперь по созданным им в театре, кино, на радио и телевидении великолепным образам, в 1931 году был диктором.

Нам часто приходилось читать с ним выпуски радиогазет и вести другие передачи. Первое время новый диктор, казалось, волновался, но всегда находил способ отключать волнение и читал спокойно, уверенно и выразительно. Но чего ему стоило это спокойствие, об этом я узнала лишь много лет спустя, когда Ростислав Янович рассказал мне о своих переживаниях у микрофона.

— Как было страшно во время конкурса, — вспоминает он, — остаться одному в большой таинственной комнате, именуемой радиостудией, и начать говорить в небольшой металлический предмет, похожий на перечницу (с чем только не сравнивали тогдашний микрофон!), и от того, как ты все положенное прочитаешь, решится твоя судьба.

До сих пор, спустя почти сорок лет, говорит Плятт, помню текст, который был предложен мне на конкурсе: «Шацкий и Стэн признали свои ошибки». Я не пытался вдуматься в суть этого предложения. Вероятно, за скупыми словами скрывалась судьба людей, но для меня в тот момент «Шацкий и Стэн» были просто сочетанием букв, которые надо произнести дикционно четко, а все предложение прочесть логически точно. Читал я это не в эфир, а для приемной комиссии, которая слушала меня в аппаратной.

Я не преувеличиваю ради красного словца тот страх, который испытывал тогда перед микрофоном, хотя к тому времени я уже

был актером молодого театра Завадского и сыграл немало ролей. Вероятно, точнее было бы назвать это состояние не страхом, а ощущением ответственности, которое не оставляло меня во все время моего дикторства.

Лучшей школой для нас, молодых дикторов, являлись передачи,

фу положее читал Степанов, строфу полегче — я. И вот, заканчивая свой кусок и готовясь передвинуть лист с текстом Степанову, краешком глаза я увидел, что тот задремал — ночь все-таки! Ужас! Что делать? Прочитать за него сходу я не решился, разбудить тоже было бояз-

В издательстве «Искусство» выходит книга «Внимание, включаю микрофон!». Автор этой книги — известный диктор радио Наталия Толстова — рассказывает о своей интересной и трудной работе, о тех людях, чьи голоса мы ежедневно слышим в эфире.

Предлагаем вам отрывок из этой книги.

«ВНИМАНИЕ, ВКЛЮЧАЮ МИКРОФОН!»

которые мы по обычаям того времени вели вместе со старшими товарищами и, следуя за ними в эфире, учились у них не только мастерству радиочтения, но приобретали навык покоя, необходимый при напряженной дикторской работе. Этот творческий покой нельзя путать с успокоенностью, которая может «заскучнить» любой текст, расслабит дикторское внимание, а речь идет о сосредоточенном покое, о собранности, когда веришь в свои силы и знания, когда можешь на ходу исправить опечатку или оговорку, подбодрить напарника, дать верный тон всей передаче... Таким творческим покоем в совершенстве владел диктор Александр Николаевич Степанов.

Не могу забыть одну нашу совместную ночную передачу, в которой мы с ним по очереди читали какие-то длинные стихи: стро-

но — бог знает, что он спросонья может сказать в эфир. Как же быть? Но, очевидно, в панике я все-таки коснулся его плечом. И тут же, без малейшей паузы, ровно с того места, откуда надо было, в заданном ритме, в своей уверенной, плавной, какой-то округлой манере Александр Николаевич продолжил: «О качестве людей, работы и вещей...». Вот так и звучит у меня в памяти эта прочитанная им фраза и помнится наглядный пример владения собой.

Покой, собранность и опыт — эти качества выручали дикторов во многих случаях.

Помню, существовала передача, которая называлась: «Передовая «Правды» на завтра». Шла она, кажется, в 12 часов ночи. Дикторы читали ее по привезенным из типографии еще непросохшим газетным гранкам, пахнувшим типографской краской. На подготовку

к этой передаче нам давалось не более получаса. Но и полчаса казались блаженством по сравнению с тем, что, увы, нередко случалось в те далекие времена: материал запаздывал, но это отнюдь не значило, что оттягивается время начала передачи: график был железным!

И вот стоишь бывало у микрофона, так сказать, в полной боевой готовности, и милая, обжитая студия № 2 в здании Центрального телеграфа кажется тебе сейчас огневой точкой. Ее огромные окна выходят на улицу Белинского. Ты в полном напряжении стараешься раздвоить свое внимание: глаза прикованы к минутной стрелке электрических часов в студии, а ухо, ухо, думается, уже свесилось в окно — ловит в затихающем уличном шуме желанный звук затормозившего мотоцикла... Это значит — привезли гранки. До передачи осталось целых пять минут! Пять минут, пять минут... Стрелка часов прыгает, а мотоцикл?.. Слава богу, под окном затарахтел мотор! Значит, через три минуты в студию влетит дежурный редактор, ты выхватишь у него гранки и на протяжении оставшихся полутора минут охватишь взором хоть заголовки и первый абзац передовой. И вот, микрофон включен! Твое самочувствие при чтении вполне можно сравнить с тем моментом в цирке, когда эквилибрист на проволоке готовится сделать сальто-мортале, а в оркестре бьет барабанная дробь.

Весь организм в напряжении, в работе: в ушах речит эта самая дробь, мозг и речевой аппарат заняты чтением, а в это же время надо уметь делать невероятное: одним глазом видеть то, что читаешь сию секунду, а другим нацеливаться на следующее предложение — так до конца, до по-

следнего слова.

Наконец, о, счастье, «Передовая «Правды» на завтра» прочитана! Если это удалось — блаженство, даже творческое! Но если были оговорки или «невнятица», то беда: тут же начинаются тревожные ночные звонки: кто читал? Почему так читал? Отчего не подготвился?

Вспоминая этот эпизод, задумываешься над тем, какая она боевая и напряженная, дикторская работа, кажущаяся некоторым «тихой пристанью».

Я был диктором сравнительно недолго — все труднее и труднее становилось совмещать дикторство с театром. Но совсем оставить радио не могу и часто выступаю то в детских, то в литературных, то в разных других радиопередачах.

А свое дикторское прошлое я всегда вспоминаю с благодарностью к моим старшим товарищам и ощущаю его как некий университет.

Вряд ли нужны какие-либо комментарии к этому эмоциональному рассказу, в котором удивительно верно переданы отдельные моменты дикторской работы, психология диктора, его тревоги и самообладание.

Н. ТОЛСТОВА.